02 1992

3

ТУ–19–241–82

8

3

студия
ДИАФИЛЬМ

07–2–669

М. ШАГАЛ *читает* ГОГОЛЯ

К урокам
литературы
в IX кл.

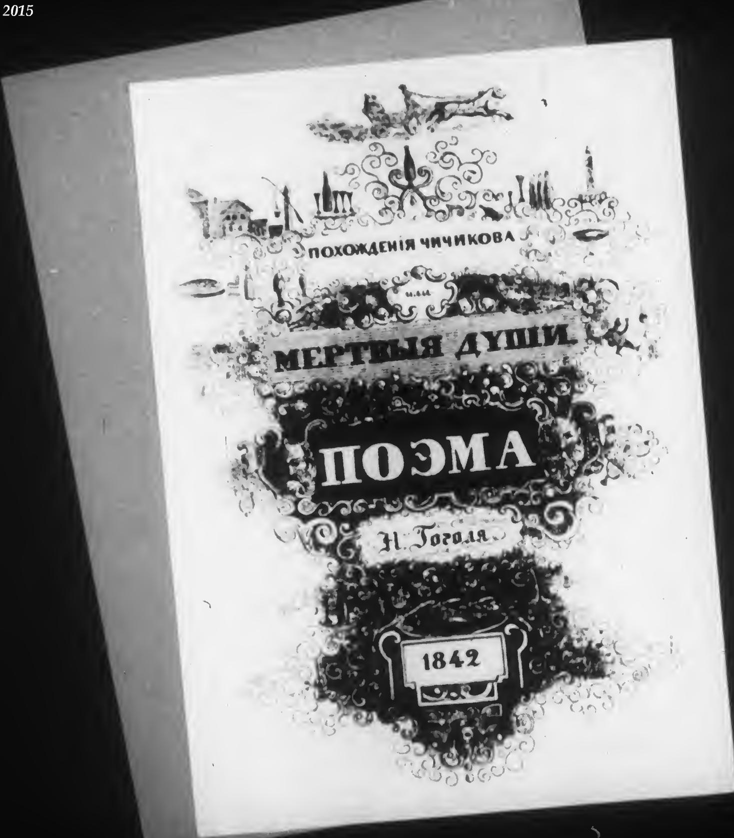
Николай Васильевич Гоголь принадлежал к тем писателям, которые всегда противились иллюстрированию своих произведений.

«... Я враг всяких политипажей... Товар должен продаваться лицом, и нечего подслащивать его этим кондитерством», — писал он в 1846 году издателю П.А.Плетневу по поводу иллюстрирования поэмы «Мертвые души».

Вмешательство художника писатель допускал лишь в случае, *«когда оно (иллюстрирование) слишком художественно. Но художников-гениев для такого дела не найдешь, да притом нужно, чтобы... и само сочинение было классическим, приобревшим полную известность».*

И хотя сам Гоголь считал свою поэму *«наполненной кучей... грехов»*, она приобрела *«полную известность»* еще при его жизни и давно стала классической.

А вот первое условие — конгениальности иллюстрации писательскому образу — выполнить, казалось бы, невозможно.

Каждый персонаж обрисован Гоголем так объемно и всесторонне, всякая деталь схвачена настолько метко, слова подобраны с такой точностью, что нет места воображению художника.

П. Боклевский. Серия «гоголевских типов».

Эту мысль подтверждают и заслуженно популярные работы художников — современников писателя: А.А.Агина и П.М.Боклевского. Оба не посмели ни в чем отступить от текста и послушно следовали перу Гоголя.

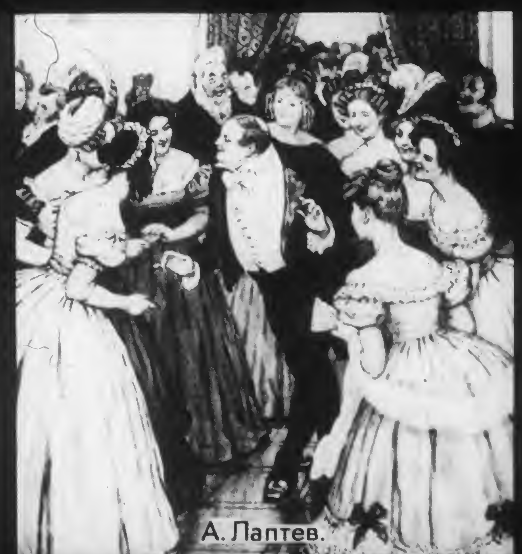
А. Агин. «Разговор дам».

Попробуйте сами сопоставить текст поэмы и предложенные иллюстрации:

«Ленточные банты и цветочные букеты порхали там и там по платьям в самом картинном беспорядке... Талии были обтянуты и имели самые крепкие и приятные для глаз формы... Все у них было продуманно и предусмотрено с необыкновенной предусмотрительностью: шея, плечи были открыты настолько, насколько нужно, и никак не дальше...»

А. Агин.

А. Лаптев.

«Чичиков на балу у губернатора».

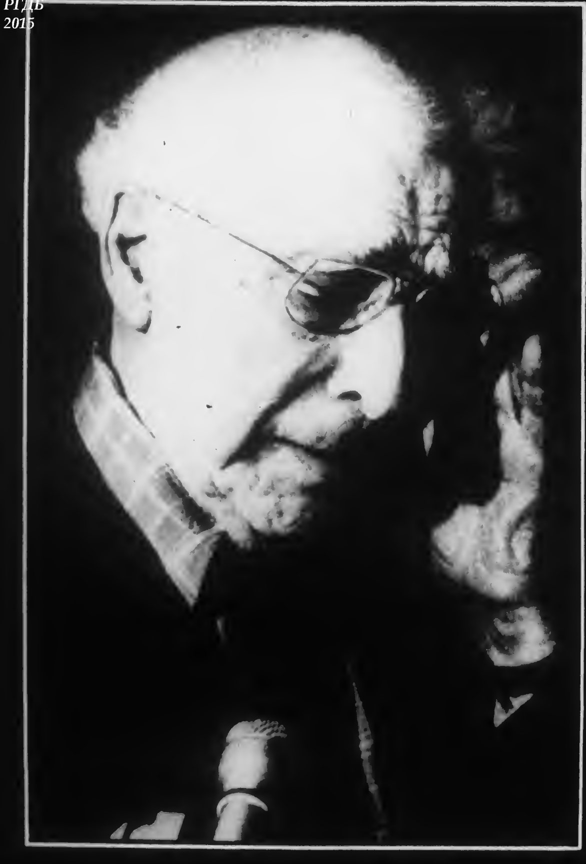
По-видимому, для того, чтобы выполнить пожелание Гоголя, иллюстратору нужно было создать произведение, по-новому, нетрадиционно соотнесенное с миром писательского воображения.

Ю. М. Пэн. Портрет Марка Шагала.

А для этого требуется высочайший художественный дар и полная творческая независимость. И, возможно, уже другое — не гоголевское — время.

И такой художник нашелся. Именно Марк Шагал всеми этими качествами обладал в полной мере.

Один из ярчайших представителей плеяды мечтателей и бунтарей, совершивших революцию в художественной культуре человечества, он прожил почти сто лет (1887—1985). Из них более шестидесяти — за пределами России. И поскольку очень долго творчество всемирно признанного Мастера находилось у нас в забвении, позволим себе небольшое отступление от темы, чтобы рассказать о нем.

М. Шагал. 1973.

Родители Шагала.

Витебск
начала века.

Шагал родился в России, близ Витебска. Казалось бы, в юности ничто не обещало ему мировой славы, но огромное дарование и счастливая судьба вынесли его по крутой траектории вверх, и он буквально в течение каких-то двух-трех лет оказался в кругу самых изысканных ценителей живописи, самых талантливых художников того времени.

Каждый шаг молодого Шагала в эти годы был подобен гигантскому прыжку в новый мир. Сначала — переезд в Петербург. Учеба в школе Общества поощрения художеств, затем в студии Званцевой. Учителями его были Л.Бакст и М.Добужинский. А в 1910 году Шагал уезжает в Париж изучать современное французское искусство.

М. Шагал.
Петербург. 1909.

М.Шагал с женой и дочерью в своей мастерской в Париже.

В 23 года он — уже сформировавшийся художник, и Париж, собиравший таланты всего мира, принимает в свое лоно и молодого русского живописца. Шагал знакомится с художниками Ж.Браком, П.Пикассо, Ф.Леже, А.Модильяни, дружит с поэтом Г.Аполлинером. Выставляется в Салоне Независимых, а в 1914 году — в галерее «Штурм» в Берлине.

Шагал среди преподавателей Витебского училища.

1914—1922 годы — снова в России. После революции он работает в родном Витебске Уполномоченным по делам искусств, основывает там музей и художественное училище, где кроме него профессорствовали Добужинский, Пуни, Малевич, Пэн, писали свои картины Фальк и Татлин. Благодаря Шагалу провинциальный город становится настоящим художественным центром послереволюционной России.

М. Шагал.
Плакат «Мир хижинам, война дворцам».
1918—1919.

В 1922 году он едет в Берлин для участия в первой выставке русских художников. Затем получает приглашение от известного французского издателя А.Воллара, который заказал ему серию офортов к поэме «Мертвые души» и иллюстрации к басням Лафонтена.

Шагал.
Иллюстрация к басне
Ж. Лафонтена. 1930.

Россию Шагал увидит только через сорок лет.

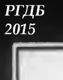
Шагал в Москве. 1973.

Тревожное время второй мировой войны он проведет в Америке, остальные годы своей жизни — во Франции.

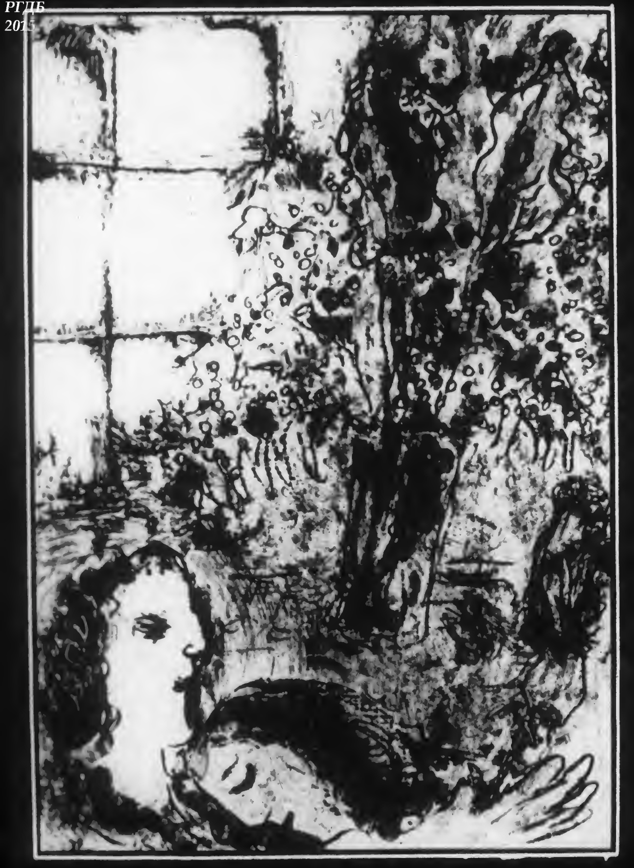
Только с феноменом Пикассо сопоставим этот мощный поток творчества, на протяжении восьмидесяти лет выплескивавший из своих глубин картины, гравюры, витражи и мозаики, декорации к спектаклям, иллюстрации к басням, поэмам, Библии.
Работы Шагала украшают крупнейшие картинные галереи мира, а в Ницце создан его музей.

«Автопортрет с палитрой» на книге «Плафоны в Гранд-Опера в Париже». 1966.

Но где бы художник ни жил, куда бы он ни ездил, о чем бы ни писал свои картины, он никогда не расставался с родной землей. Она присутствует на всех его холстах, графических работах, витражах соборов. Эйфелева башня — символ его второй Родины — стоит на курьих ножках, как избушка из русского фольклора, а букеты васильков воспоминанием нищего витебского детства разбросаны по многим его полотнам.

Шагал.
Автопортрет в шляпе.

Часто Шагала называют французским художником. И это справедливо, если иметь в виду место его проживания. Но еще в 1936 году он писал на родину: «Меня хоть в мире и считают «интернац.» и французы берут в свои отделы, но я себя считаю русским художником, и мне это приятно».

Шагал.
«Летний вечер».

«Давно, мой любимый город, я тебя не видел, не упирался в твои заборы, — **напишет он в 1944 году в письме-плаче «Моему городу Витебску».** — *Я оставил на твоей земле, моя родина, могилы предков и рассыпанные камни. Я не жил с тобой, но не было ни одной моей картины, которая не отражала твою радость и печаль. Все эти годы меня тревожило одно: понимаешь ли ты меня, мой город?..»*

Шагал. «Улица в Витебске».

Шагал.
«Еврейская
свадьба».

Путь из бедного местечка в черте еврейской оседлости в великолепные столицы мира, из семьи неимущего селедочника в общество тончайших ценителей искусств, прославленных художников и поэтов был для Шагала абсолютно естествен.

В этой естественности и способности проникнуть в «четвертое» и «пятое» измерения реалий самого низменного быта, поднять их до высочайшей поэзии, пронизать тончайшим артистизмом — тайна его дара. Он превращает в чудо и факт рождения ребенка, и мелкие бытовые предметы, и непритязательные будни.

Шагал.
«Мать и дитя».

Герои его произведений ведут себя произвольно— летают, ходят вниз головой, превращаются в странные существа. Парение, полет, небо—главное движение кисти художника. Как тонко подметил поэт А.Вознесенский, *«в преддверии космической эпохи Шагал ввел небо в быт, а быт городишек пустил по небесам»*.

Шагал.
«Влюбленная пара
и рыба».

Шагал
неповторим,
неподражаем.

Шагал. «Художник».

Только
в его мире,
под его
кистью
естественны
летающие
влюбленные,
играющие
на скрипке
коровы,
саркастически
ухмыляющиеся
козы.

В его картинах есть и гротеск, и ирония, и элементы абсурда — приемы, к которым прибегают многие художники-фантасты. Но снисходительная романтическая душа Шагала не позволяет ему, прибегая к гротеску, усугублять то ужасное, что есть в мире, вызывать в зрителе нервное возбуждение, пугать его. Напротив, он смягчает, успокаивает, заставляет поверить в естественность, подлинность того, что происходит.

Шагал.
Из серии
«Владимир Маяковский»
(«Пришел к парикмахеру...»).

Художник Шагал сложен, замысел его не всегда понятен. Многие сравнивают великого мастера с добрым клоуном, цирковым иллюзионистом. Подчас возникает вопрос — а не дурачит ли он зрителя?

Да нет, просто нужно пожелать понять, повнимательнее всмотреться в этот необычный мир — и тихая радость и светлая грусть обязательно «перетекут» с шагаловского полотна в вашу душу.

Шагал.
«Небо влюбленных»
из серии
«Воспоминания
о Витебске».

Среди кумиров Шагал называл Рублева, Врубеля, Блока. И, конечно, Гоголя. Еще в 1917 году он написал композицию «В честь Гоголя», а в 1920-м — сделал макеты и костюмы для постановки «Ревизора» в Еврейском камерном театре. В 1926 году, в Париже, он исполнил сто иллюстраций к поэме «Мертвые души», 96 из них позднее вошли в книгу.

Марк Шагал
надписывает свои декорации
к спектаклю «Ревизор».
Приезд в Россию. 1973.

Что же их роднит — писателя XIX века и художника XX века? Наверное, прежде всего — принадлежность к редкому во все времена племени художников-фантастов, творчество которых будоражит сознание и душу смещением привычных логических построений.

«Воспитание Чичикова».

Им обоим доступно таинственное, «четвертое или пятое измерение», которое существует, как отмечал Шагал, «не только в глазу, оно интуитивно рождает равновесие пластических контрастов, поражая новыми и необычными соотношениями».

«Чичиков перед зеркалом».

Их объединяет обязательный элемент иронии, обращенность к тайным глубинам человеческой души.

«Смятение чиновников в присутственном месте».

Оба они — мастера изобразительной метафоры, но при этом — предельно реалистичны.

«Жители города N.N.
Слухи и сплетни».

Выросший в провинциальном Витебске, Шагал с пронзительной остротой воспринял отделенное от его времени почти столетием гоголевское повествование о некоем совсем ином, но тоже глубоко провинциальном губернском городе.

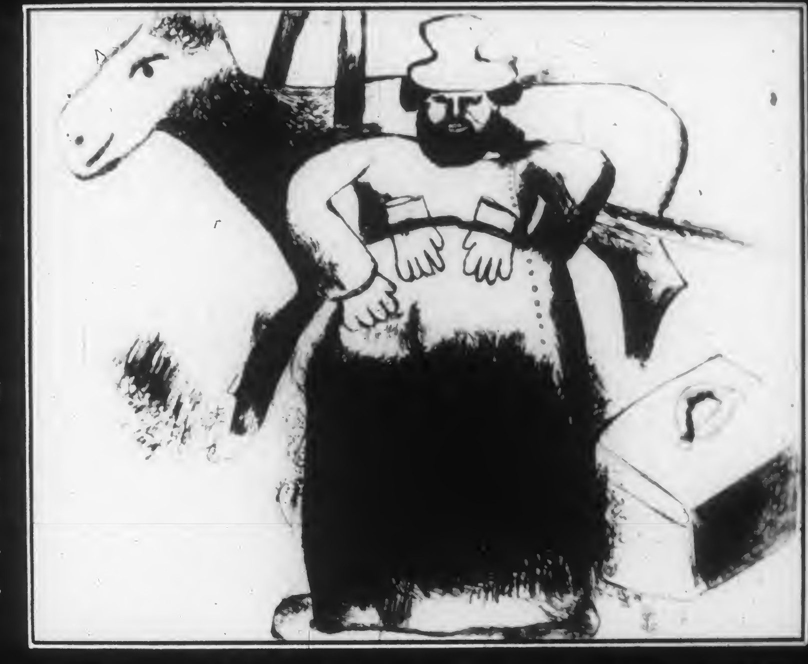
Иллюстрации Шагала носят в целом гротесковый характер;

«Чичиков у Плюшкина».

безобидный юмор соседствует в них с неудержимым сарказмом — все как у Гоголя, но в экспрессивно-свободных формах искусства XX века. При этом одни рисунки близки к почти традиционному реализму, другие доведены до сюрреалистической фантасмагоричности.

«Кучер Селифан».

Такое специфически шагаловское решение не просто делает их набором рисунков к отдельным страницам, но превращает в новую поэму — со своим сюжетом, интригой, своим миром, атмосферой, где все взаимосвязано, взаимозависимо.

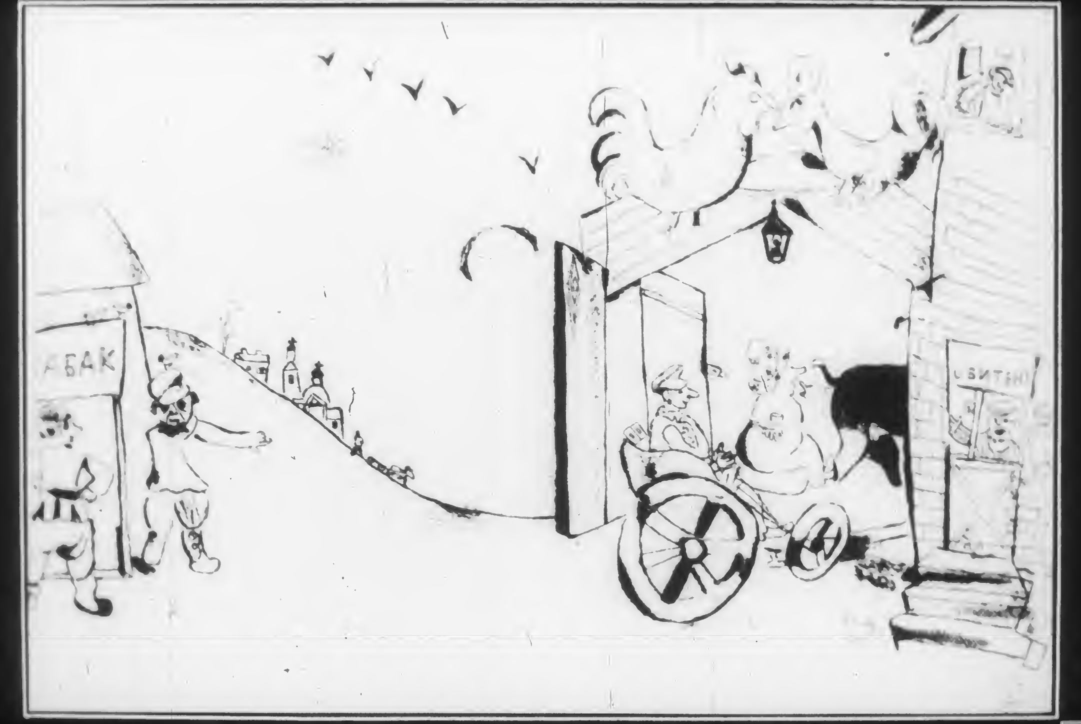
Как и у Гоголя, пейзажи соседствуют с бытовыми сценами, персонажи даны то крупным, то мелким планом.

Это Гоголь, но увиденный глазами Шагала и только Шагала. Его собственный опыт, чувства, интерес, мастерство движут им и при выборе тем для иллюстрирования — иногда целых глав, порою нескольких слов или предложений.

«Стоп Собакевича».

А теперь — без комментариев — посмотрим рисунки художника и еще раз почитаем Гоголя.

«Прибытие Чичикова в город NN».

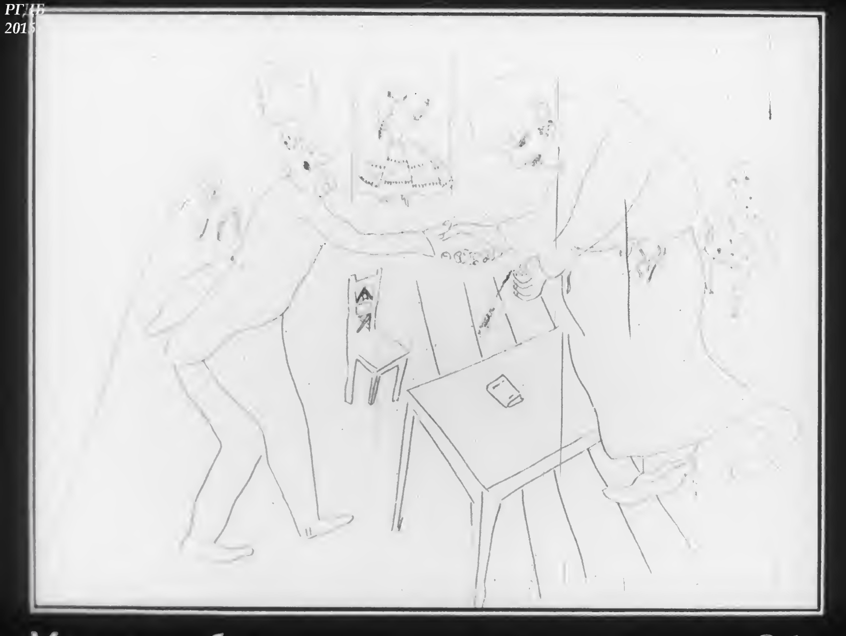
«Петрушка».

«...Лакей Петрушка стал устраиваться в маленькой передней... куда уже успел притащить свою шинель и вместе с нею какой-то свой собственный запах... В этой конурке он приладил к стене узенькую трехногую кровать, накрыв ее небольшим подобием тюфяка, убитым и плоским, как блин».

«Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после», — говорил Чичиков. «Нет, Павел Иванович, нет, вы гость, — говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь. — Не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю». — «Почему же образованному? Пожалуйста, проходите». — «Ну да уж извольте проходить вы», — сказал с приятною улыбкою Манилов. Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга».

«Чичиков и Манилов».

«Чичиков в доме у Манилова».

«Манилов был совершенно растроган. Оба приятеля долго жали друг другу руку и долго смотрели молча один другому в глаза, в которых видны были навернувшиеся слезы. Манилов никак не хотел выпустить руки нашего героя и продолжал жать ее так горячо, что тот уже не знал, как ее выручить».

«...Находившийся перед ним узенький дворик весь был наполнен птицами и всякой домашней тварью.

«Двор Коробочки».

Индейкам и курам не было числа; промеж них расхаживал петух мерными шагами, потряхивая гребнем и поворачивая голову набок, как будто к чему-то прислушиваясь; свинья с семейством очутилась тут же...»

«Да чего же ты рассердился так горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсем тебе и не прекословила». — «Есть из чего сердиться! Дело яйца выеденного не стоит, а я стану из-за него сердиться!»

«Коробочка».

«Селифан помог взлезть девчонке на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потом уже взобралась на верхушку и поместилась возле него».

«Выезд
от Коробочки».

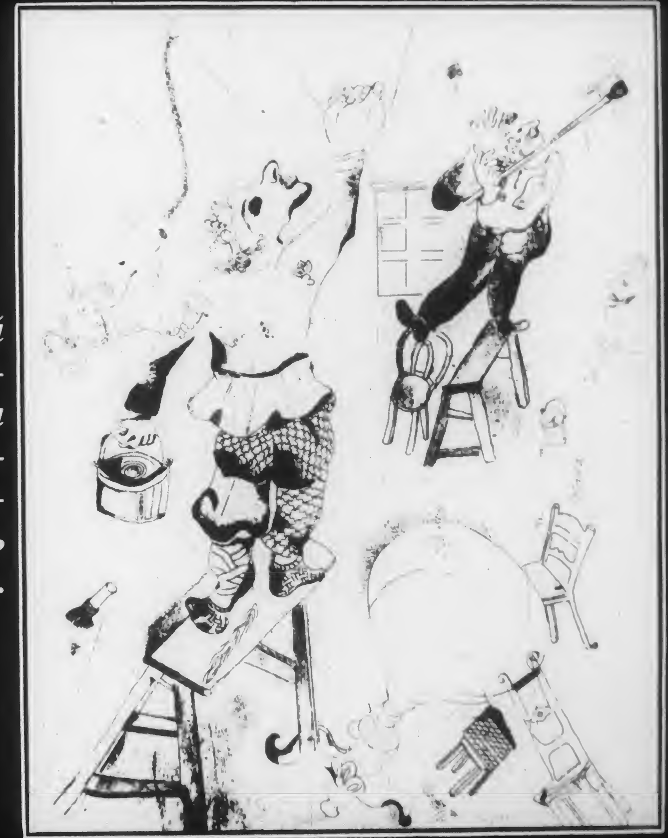

«Это был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными румяными щеками, с белыми как снег зубами и черными как смоль бакенбардами. Свеж он был, как кровь с молоком; здоровье, казалось, так и прыскало с лица его. «Ба, ба, ба! — вскричал он вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова. — Какими судьбами?»

«Ноздрев
в трактире».

«Посередине столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на них, белили стены, затягивая какую-то бесконечную песню; пол весь был обрызган белилами».

«Маляры у Ноздрева».

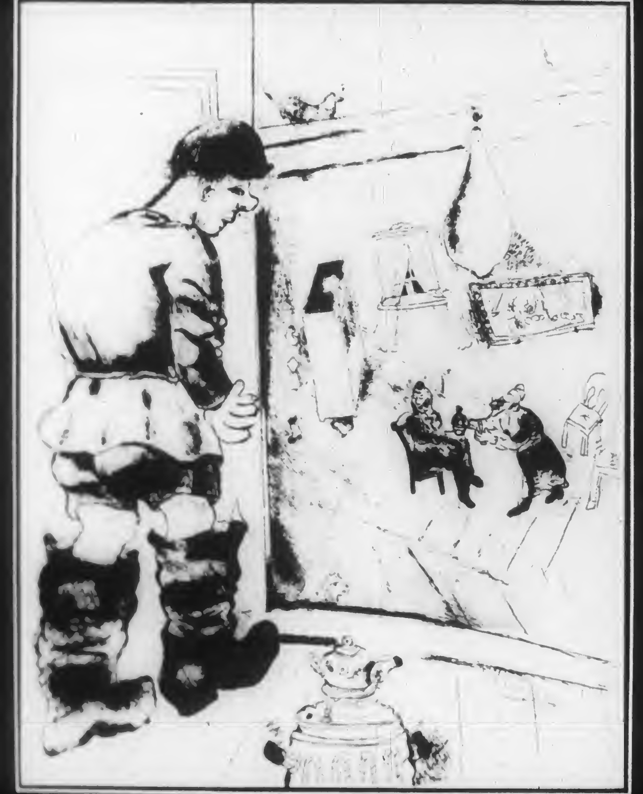
«По дороге к Собакевичу».

«Хотя бричка мчалась во всю пропалую и деревня Ноздрева давно унеслась из вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорками, но он все еще поглядывал назад со страхом, как бы ожидая, что вот-вот налетит погоня».

«... Он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги».

«Собакевич».

«Через минуту было слышно, как кто-то вбежал впопыхах в сени, долго возился там и стучал сапогами, наконец дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, чуть не вынул из них ноги».

«Чичиков в доме у Плюшкина (Прошка заглядывает в дверь)».

«... Какая поэтическая, летящая за окном Россия в этих гравюрах! Поэзию он увидел в уродливой для обывателя жизни, поэтизируя быт, открывая новую красоту; предметы, отмытые от пыли его взглядом, мерцали как черные бриллианты» — так оценил иллюстрации Шагала поэт А.Вознесенский.

Иллюстрации к «Мертвым душам» выполнены художником в сложной гравюрной технике, в сочетании разных форм гравюры на металле. В 1927 году Шагал передал 96 офортов в дар Третьяковской галерее.

«Чичиков у губернатора».

Само издание книги, иллюстрированное Шагалом, увидело свет во Франции в 1948 году

в виде двух массивных несброшюрованных томов с оттисками офортов 1927 года на вкладных листах.

На фронтисписе второго тома художник рискнул поместить два юмористически окрашенных портретных изображения — Гоголя и свое. В их лицах зритель обнаруживает неожиданное сходство. Трудно сказать, был ли знаком Шагал с жесткими требованиями Гоголя к иллюстрированию художественного произведения. Но то, что он хотел в этом рисунке подчеркнуть соразмерность своего живописного дара и таланта Гоголя, отстоять свое право на творческую независимость — несомненно и справедливо.

КОНЕЦ

**Диафильм
создан по программе,
утвержденной Министерством
образования РСФСР**

*Автор кандидат
педагогических наук
Н.ЗВОЛИНСКАЯ
Художник-оформитель
И.ИЩЕНКО
Редактор
И.КРЕМЕНЬ*

Д-160-91

**101000, Москва,
Старосадский пер., 7
Черно-белый**